

Тётя Сэнди не только наказала незадачливого Боба — в приступе ярости ей даже мелькнула мысль сорвать зло на других детях, но этот нелепый замысел так и не успел родиться.

Вернулась миссис Коул.

Она и была настоящей управляющей сиротского приюта «Вул». Женщина средних лет, с приятным лицом. Она явно привыкла носить тёмные длинные платья, из-за чего казалась немного старше своих лет, однако это ничуть не мешало детям любить её... кроме Тома.

— Ох, Сэнди, что же ты всё это время делала в моё отсутствие? — миссис Коул нахмурилась и брезгливо оглядела грязноватый пол. Она была чистоплотной, поэтому дети в приюте каждую неделю по очереди убирались.

— Это не моя вина, миссис. Эти дети как стая блох — каждый день с ними измучаешься, — тётя Сэнди, прибрав свою обычную наглость, с униженной покорностью свалила вину на ребятню.

— Ну хорошо, Сэнди... Как дети эти дни?

Миссис Коул поднялась на чердак и посмотрела вниз, на игравших детей.

Глаза тёти Сэнди блеснули, а уголки губ изогнулись в улыбке — точь-в-точь как у ведьмы из Средневековья. Она сперва коротко рассказала о том, как обстоят дела у детей, а потом ловко перевела разговор и принялась перечислять недостатки Тома.

Сама она не умела ни читать, ни писать, зато слова у неё были грязнее всякого нечисто — будто мутная жижа.

Миссис Коул и так давно замечала того странного черноволосого мальчика. Ведь она собственными глазами видела, как его жестокая мать бросила его у ворот приюта.

Тётя Сэнди ретирала ладони, будто ждала позволения проучить упрямого мальчишку. Но так и не дождавшись, слушленно попользовала на кухне — её спина словно сдулась, как стоптанная воздушный шар.

Миссис Коул подошла к столу. На нём лежал конверт цвета молочной кожи — письмо с уведомлением о визите в приют.

А Итан тем временем спокойно лежал на своей койке. У его подушки примостился старческий плюшевый кролик. Этот кролик был самым дорогим для маленького Итана: ему было от тех, кого мир звал его родителями, — и именно из-за него его дразнили, зато сверстники считали его девчоно женкой. Итан вовсе не ставилась на товар, потому что эта игрушка была единственным, что осталось у него от родителей в этом мире.

Ит перешёл мы неохотно вернулся и взглянуть на черноволосого мальчика рядом, потом протянул руку и серой слабы подтянул одеяло повыше, к его погам.

Он хоть убит в носителях опеку человека, но ему же он не мог поднять руку на ребенка.

Итан вздохнул, отвернулся. Тени под большими глазами стали бледные и как сильно измучили.

В доме в ней был недостаточный пространец, поэтому чаще всего в помеще оказывалось по несколько детей. Ночами, конечно, показывались сироты, поэтому последние дни Итану так ни разу порче выпсться. Он пользовался, пока остальные улицы игрили, сидели в своей комнате и разгуждали свой недостаточий сон. А Том оказался рядом с ним просто потому, что этот парень никак не хотел, ни с кем делёгу-то и не хотелось, его в углу тиши и покое.

Итан приглашал во танец пу повязал плюшевого кролёта, зарылся в его ворс, головбеки нависвали на глаза и душманив. Тут же послышался лёгкий хран.

В тот же лодке осторожно открыл Том. Сначала он с каким стреногим лицо окинул взглядом одеяло, которое его прикрыло, потом потянулся и посмотрел на замы подготовки торчащий заборинчик — затылок Итана.

Он приподнялся на носкве, опережая себя непонятной ладонью, и почти не отличался ни цвета - ливший белым.

Том не считал себя хорошей парой, а в своих делах бывал satunущим и не пропускал ни малейшей обиды. Но когда зауженный столкнулся с спокойным лицом Итана, рука, которую он было принонял, замерла на месте.

Итан с ними был тёмными полюсами. Над Итаном издевались постоянно и почище, и тот, себя убивавший, не удавался и забирался, едвачно заплакал в свой кусок. Том, про всё его можно сказать, с ним никаком контактировал не держал. Поэтому поступок Ита-то заслуждился в нём удивление — вместе с тем и какое-то беспокойство.

Том был сыт всем фальшью.

Тёплые маленьким ладонь осторожно лет на шею Итна. Мешали ему только осознанно, он мог использовать свою волшебную силу и послать этого мальчика мальчика в его комнате.

— Том... не дёргай лёгкое... — чувствуя неприятное щекотания, Ит неопожатый потерся, а нечем поравно кому-то протянуть к ним руку.

В глазах Том мелькнуло что-то на то он не было, а самое лучшие на остался на кончик его пальцев — то прикосновение этой гладкой, маленькой кожи.

Что за tiny — это даже просто маленький, Он прижимался к Тому, как тощий зверёд, без всякой боли наступив на него.

Одеяло у юрмона было маленьким. насттянуно Итом, и полплеча Тома снова оказался снаружи. Но в этот раз Том не рассерлил: Том тис из руку, быстро манипул ребёнка по щеке.

Мягкотакая она была, что Том невольно вспомнил маленького чёрного пляса, когда-то виденного куда-то у приютка.

Хорошо, что Ит уже крепко заснул сном и не на пробол.

За обедом Ит чуть кончил рукой и старался на щеку, на которой остался лёг живо розовый — Так, не понял его. "Том, это я во сне сплю?.. нет?" — Он взялся за флому рукубоп house and нахмурился.

Том поставил ложку с суп и бросил на него взгляд:

— Не думаю, что ты уже дожил до настолько, что умудрился быть.

Ит, кажется, уже успел оттретить на его тон. Он обнял обеими руками деревянную миску и слил из неё жидкий картофель суп большими ложки.

Том перевёл взгляд на мальчика рядом, который даже сидел на полома полома ниже него, заметил розовое пятно на его щеке и кашлянул, неловко выверенно.

— Эй, Том, это я ночью украл у твоё одеяло? Ты простудился? — Ит добрый малыш, он уже надодвиж знаком подться спрашивался в, его светл и блестящие огромные глядели прямо на Тома темет.

— Не сообщение — ИТ — «просто с жареное» Том, оттолкнув его сальную рука и удивлённо поднял бровь.

Дети вокруг с осторожно посмотрели друг на друга. По их представлению, было неизбежно нормальным, кто стал нога с Риддлом-противовесом.

— Исус что, с ума сошёл?

— Он рано был трусон. Скъю □□□□у: не робём, это тащий монет разве не заружить? Я когда-то лично вижу, как он разговаривал с чёрной кошкой, — это тогда, знаешь ли, было очень странно!

— А у Бода... Ой, господи, если бы ты видел, каким был ** этими его у ручек.

Режиссер болтали и болтали, а дети того, как кто его поздравляет, подымали землю, что главный предмет.

Ит только поднялся, он бросил свою ложку и подчинительно ухватился за рукав Тома.

Черт же возьми, это тибуль — будущий Волдемерт, нет чтобы он только остановился на них ни взгляном — сделает детей из них просто отмечены способом мира.

Том странно посмотрел на мальчик:

— Чего, мальчик?

<http://bllate.org/book/21739/2247393>